

Он какое-то время смотрел на него, затем слегка усмехнулся, взял сигарету из его рук, затянулся и сказал:

— Только-только пообещал бросить — и уже просишь?

Услышав это, Лу Юси лишь криво усмехнулся, опустил глаза и снова замолчал.

Гу Чэнъань понимал, что у того не лучший настрой, и потому просто сидел рядом, пока Лу Юси снова не заговорил.

Он видел, как дрогнули опущенные ресницы Лу Юси, а затем тот с лёгкой досадой произнёс:

— Просто хотел попробовать. Интересно, правда ли эта дрянь так затягивает.

Гу Чэнъань тихо рассмеялся, снял сигарету с губ и, не раздумывая, повернул его лицо к себе. Он вдохнул дым и, почти касаясь его губ своими, прошептал:

— Не стоит. Не пробуй.

Лу Юси почувствовал на языке лёгкую горечь и тепло его ладони на щеке. Внезапно ему показалось, что некоторые вещи удивительно похожи: сигареты, выпивка и... парень.

После той встречи в гостевой Ли Дунь не появлялся больше недели.

Хотя Лу Юси и испытывал лёгкую тревогу, жизнь шла своим чередом.

Но как только он начал думать, что тот больше не вернётся, Ли Дунь снова объявился. И на этот раз — весь в синяках.

В тот день, выходя со школы, они с Гу Чэнъанем как раз обсуждали, куда пойти поужинать, когда сзади раздался голос немолодого мужчины:

— Сяо Си!

Лу Юси замер на месте, словно фитиль давно заложенной мины внезапно вспыхнул. Он не понимал, зачем этот человек снова здесь, но, увидев его потрёпанную одежду и синяки на лице, почувствовал, как сердце сжалось от дурного предчувствия.

Инстинктивно он потянул Гу Чэнъаня за рукав, чтобы уйти как можно скорее.

Но Ли Дунь, не обращая внимания на то, что вокруг полно учеников и родителей, увидев, что Лу Юси поворачивается, бросился вперёд и вцепился ему в руку:

— Сяо Си, Сяо Си, спаси меня!

Окружающие мгновенно обратили на них внимание.

Лу Юси, вынужденный обернуться, смотрел на него с недоумением:

— Спасти? От чего?

Но Ли Дунь, казалось, полностью потерял рассудок. Он лишь держал его руку и бессмысленно тряс головой.

Гу Чэнъань, стоявший рядом, попытался оттащить его, но тот, видимо, был в таком состоянии, что вцепился мёртвой хваткой. Гу Чэнъань приложил силу, но не смог разжать его пальцы. Он раздумывал, не действовать ли жёстче, но, видя, как рука Ли Дуня сжимается всё крепче, а лицо Лу Юси бледнеет, не знал, что делать.

Вокруг собиралось всё больше зевак.

Ли Дунь, кроме слов «спаси меня», не мог выговорить ничего внятного.

Они застыли в этом положении.

Но поскольку дело было у школьных ворот, как раз в час, когда заканчивались занятия, да и лицо Лу Юси было многим знакомо, вокруг быстро стало шумно. До Гу Чэнъаня долетали обрывки самых разных разговоров.

К счастью, всё внимание Лу Юси было поглощено происходящим, его взгляд не отрывался от Ли Дуня.

Молящие глаза Ли Дуня били по его сердцу, словно молот. Он не понимал, как всего за неделю этот человек, прежде лишь немного робевший в разговоре, мог так измениться.

Он не выдержал и спросил:

— Говори же! Как я должен тебя спасти? Найти пятьсот тысяч?

Пятьсот тысяч? Гу Чэнъань мгновенно отреагировал на эту цифру. Когда это случилось? Но, не успев подумать, он услышал, как Ли Дунь, словно в бреду или в отчаянной мольбе, бормочет Лу Юси:

— Пятьсот тысяч, да, пятьсот тысяч... Деньги будут — и всё уладится.

Лу Юси уже хотел сказать, что это невозможно, откуда он возьмёт такие деньги, но в следующее мгновение услышал нечто невероятное.

Ли Дунь сказал:

— У тебя же есть... богатый одноклассник? Попроси у него. Скажи, что вернёшь через пару лет... нет, после выпуска. Сяо Си, Сяо Си...

Последние слова он произнёс, словно вот-вот разрыдается:

— Спаси меня.

Эти слова взорвались в голове Лу Юси, словно выстрел. Что? Он не верил своим ушам. Богатый одноклассник? Кого он имеет в виду? Сы Цзиня?

Ли Дунь, запинаясь, продолжал:

— Я слышал... он тебе что-то покупал, даже приютил, правда? Он так к тебе хорошо относится... он наверняка... нет, обязательно... обязательно поможет.

Говоря это, он смотрел с внезапной надеждой.

Но Лу Юси не понимал. Кем тот его считает? Но это было не главное. Как Ли Дунь вообще

узнал о Сы Цзине?

Глядя на этого дрожащего, что-то бормочущего человека, Лу Юси глубоко вдохнул и, стараясь говорить спокойно, спросил:

— Кто тебе это сказал?

Услышав вопрос, Ли Дунь, видимо, решил, что Лу Юси дрогнул. Он сделал шаг вперёд, смотрел на него распухшими глазами и тихо, сбивчиво ответил:

— Он... он сам сказал.

Услышав это, Лу Юси внутренне усмехнулся. Смешно. Стиль Сы Цзиня никогда не позволил бы ему послать кого-то с таким поручением.

Лу Юси понял, что говорить больше не о чем. Собрал все силы, он вырвал руку и развернулся, чтобы уйти.

Но, увидев это, Ли Дунь запаниковал ещё сильнее. Он бросился вперёд, хватая его за что попало.

От его хватки было больно. Лу Юси попытался отстраниться, но чем больше он отдалялся, тем отчаяннее цеплялся Ли Дунь, и в конце концов тот закричал прямо у ворот:

— Сяо Си, Сяо Си, как ты можешь так бросать отца? Я ведь содержал тебя с матерью больше десяти лет! Как ты можешь быть таким неблагодарным!

Неблагодарным. Лу Юси даже мысленно похвалил его за точность слова. Те самые «десять лет заботы», о которых Лу Миньлин твердила ему по телефону, словно заклинание, давили на него, не давая дышать.

Шум вокруг нарастал. За представлением наблюдали не только ученики, но и родители, некоторые уже достали телефоны, чтобы снять происходящее.

Гу Чэнъань отчётливо понимал, что так продолжаться не может. Но, когда он уже хотел просто увести Лу Юси, тот сам подошёл к Ли Дуню.

Глаза Ли Дуня загорелись.

Лу Юси достал из сумки ключ и сказал:

— Документы на дом — в третьем ящике в спальне. Продавай.

— Хватит ли — не знаю. Но больше не приходи ко мне.

Если говорить откровенно, Лу Юси не хотел этого делать. Ведь этот дом купили после того, как мать продала их старый дом у реки, где он вырос. Но теперь, когда всё так, какой смысл его хранить?

Он сунул ключ Ли Дуню и, не говоря больше ни слова, потянул Гу Чэнъаня за собой.

Гу Чэнъань явно волновался, но, видя, как Лу Юси молча хмурится, не решался ничего сказать.

Как и раньше, всё, что он знал о семье Лу Юси, было лишь догадками, основанными на

обрывках увиденного. Наверное, для Лу Юси всё это было похоже на рак, разъедающий внутренности: не отрезать, а говорить — больно.

Хотя Гу Чэнъань стал свидетелем всей этой сцены, за ужином Лу Юси был лишь немного тише обычного. Но для Гу Чэнъаня даже эта перемена была разительной по сравнению с прошлыми днями, и он не мог не почувствовать жалость.

После ужина Лу Юси, как всегда, сделал уроки и устроился на диване. Но, в отличие от обычных дней, когда рядом был Ютяо, он всегда с ним возился, а сегодня — нет.

Гу Чэнъань, видя, что тот не хочет говорить, просто оставил его в покое.

<http://bllate.org/book/16262/1463560>